

„ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ“

Мы беседуем с Тамарой Викторовной Олейник, актрисой Иркутского драматического театра имени Н. П. Охлопкова. Только что закончилась репетиция. Три часа подряд, без минуты отдыха, она провела на сцене в образе мамы Кураж, неистовой, воинствующей маркитантки, героини известной пьесы немецкого антифашиста Б. Брехта. Режиссер-постановщик заслуженный деятель искусств Белорусской ССР, лауреат Государственной премии БССР С. С. Казимировский умышленно не сделал перерыва в репетиции, чтобы исполнительница заглавной роли привыкла к той физической нагрузке, которой, помимо прочего, требует эта роль от актрисы. Ведь и в спектакле мама Кураж будет на сцене непрерывно, от начала до конца, неразлучно с оплотом ее призрачных надежд — громоздким фургоном.

Актom большого творческого доверия считает режиссер назначение Олейник на эту роль. Действительно, при традиционном возрастном распределении актрисе пришлось бы ждать встречи с Кураж еще добрых 10—15 лет. И что же, не усомнился постановщик в выборе? В конце концов как нельзя ставить Шекспира, если нет Гамлета, или А. Толстого без Федора Иоановича, так и Брехта без мамы Кураж!

— Судить будем после премьеры, — ответил Казимировский, — но я уверен, что не ошибся. И пластически, и по нутру назначение правильное. Олейник работает напористо, цепко, хватко. Актриса масштабная, с диапазоном на многие роли, который позволит ей безболезненно осуществит в дальнейшем переход к возрастным героиням.

Отзыв режиссера тем приятнее было слышать, что он подтверждал сложившееся у меня впечатление об актерском потенциале Тамары Олейник. Несколько последних работ, в которых довелось видеть ее, даже при явной их разномерности, убеждают, что актриса в движении, в поиске, в росте. Да, сегодняшний ее репертуар не назовешь образцовым. В этом, кстати, еще одна из сторон профессии артиста — всецелая зависимость при распределении от стечения обстоятельств, воли случая, видения режиссера. Иные роли кажутся малы для этой актрисы, как бывает мал костюм, и испытываешь невольную досаду за нерациональную трату сил. Такими мне представляются Зина в «Такси в течение получаса», Лео в «Ужасных родителях», Жермон в «Давным-давно». Зато рядом — леди Макбет, Соня в «Аристократах», Н. Погодина, Валя в «Иркутской истории» А. Арбузова. Да и Ольгу из чеховских «Трех сестер» не сбросишь со счета, хотя спектакль практически не вышел к зрителю. Вот и такая превратность актерского дела: роль желанная, душу на нее тратил, а играть не довелось.

Правда, Олейник склонна и в этом случае усмотреть благо, справедливо полагая, что погружение в чеховскую драматургию и само по себе обогащает. Она и на репертуар свой не сетует:

— Актрисы, мягко говоря, лукавят сами с собой, когда утверждают, что такая-то роль ничего не прибавила, не убавила. Если и не прибавила — твоя вина! Потому что надо пытаться что-то сделать в любой роли. Не всегда же играешь то, что хочешь. Я дорожу каждым выходом на сцену: все равно это проверка себя, накопление опыта.

Тамара Олейник не из тех, кто охотно и легко рассуждает о своей профессии. Она скупа на умозаключения, и оттого редкие ее признания повышаются в цене. Им верить.

Существенно и подтверждение слов делом. Почему появление актрисы на сцене привлекает внимание, независимо от масштаба и качества ролевого материала? В Олейник есть человеческая значительность. В ней чувствуешь индивидуальность, личность. А вслед за ней — и в ее героинях. Будучи человеком серьезным, вдумчивым, стремящимся к вы-



явлению глубины и сути, актриса не позволяет себе легковесности подхода к ролям. Отсюда неизменный интерес ее к своим персонажам, желание угадать в них то невысказанное, что не умещается в текст роли и не исчерпывается им. В ее героинях улавливаешь романтическую нотку, особую одухотворенность, выдающую потребность актрисы в ролях высокого драматического накала. На сцене, как и в жизни, она не стремится быть на виду, но как раз неуверенность, внутренняя основательность создаваемых Тамарой Олейник образов заставляют удерживать ее в поле зрения.

Небоязнь тратить себя и делает особенно заметной дистанцию между возможностями актрисы и низким потолком иных ее ролей. Но и таким своим персонажам, как Лео или Жермон, не отказывает актриса в человеческой значимости. Утверждение единственности, уникальности человеческой судьбы и составляет, мне кажется, пафос творчества Олейник. Отсюда — тема человеческого достоинства, самоценности личности, которая прочитывается в ее ролях, становится как бы их фундаментом, на котором выстраивает актриса причудливо несхожие характеры, биографии, судьбы.

Наиболее цельно и последовательно проявилось это, пожалуй, в Валентине из «Иркутской истории». Казалось, Юлия Борисова исчерпывающе раскрыла характер арбузовской Вальки, ее исполнение стало хрестоматийным. Олейник сумела увидеть ту же героиню по-своему. Вся взбалмошность ее Валентины, все столь шокирующие слова и поступки — вовсе не черты натуры, а единственно доступный способ защиты души тонкой, глубоко чувствующей, легко ранимой. Ее Валька страдает более опасным недугом, чем легкомысленно-бездумное отношение к жизни, — она заражена стойким недоверием к людям. Одна из самых сильных сцен спектакля — разговор с Сергеем после кино, проливший первую брешь в замкнутой и тщательно оберегаемой Валькой «круговой обороне». Вот когда впервые притрагивается истинное лицо Валентины. Глаза актрисы, вся ее мимика, поза исполнены в этот момент противоречивых чувств: непритворный испуг (чужой проник в ее святая святых!) и робкая радость (наконец-то появился человек, который понял ее!).

Ключ к образу диктует актрисе разум сердца. Должно быть, неспроста ей по-особому близка манера игры Алисы Фрейндлих, Анны Жирардо. Эмоциональная природа дарования Олейник обеспечивает ей творческий успех во всех случаях, когда именно ее спо-

собность к одушевлению живым чувством становится для режиссера отправной точкой. Так, в роли Сони («Аристократы») Олейник удалось «совместить и присвоить» мысли и чувства героини, и трудное ее перерождение вышло психологически достоверным. Работа прозвучала с гражданственной наполненностью, стала одной из запоминающихся в этом спектакле. А, скажем, леди Макбет не принесла Олейник удовлетворения, хотя ни у кого не вызвала нареканий: логика ума не убедила сердце, и не появив себя природу гипертрофированной страсти этой шекспировской героини, не найдя ей объяснения, актриса не смогла подчинить роль себе. Как в свое время А. Кугель писал о Качалове, «он притворился Брандом» — роль расудочного ибсеновского героя была противопоставлена природе дарования этого гениального актера.

Впрочем, послушать Олейник, так ей вообще ни одна роль не кажется получившейся. Естественная и, более того, плодотворная для всякого художника неудовлетворенность уже готова перейти в «самоседство», и актриса спохватывается:

— Если бы мы себе доверяли... Вот когда радость испытываешь! Помню, как мы все горели, репетируя «Прошлым летом в Чулимске» Вампилова. Ночами вообще не спали — спорили напролет в общеджитни. Когда роль захватывает, когда твой актерский аппарат откликается на нее, теряешь покой и погружаешься в материал с головой. Наша профессия — скрупулезное исследование души. Ищешь, как сложное превратить в простое, анализируешь все нюансы, живешь ролью не от репетиции к репетиции, а...

И на полуслове обрывает себя, смутившись. А глаза еще полны огня — одушевления — прекрасные, редкостно выразительные карие глаза. Всякий раз я думаю, что именно такими глазами наградила Лев Толстой княжну Марью Болконскую. Олейник вообще наделена счастливой для сцены внешностью, но это в ней выделяется особо — ее большие, мерцающие и вспыхивающие живыми искрами глаза, да еще голос, глубокий, грудной, красивого тембра. В свое время он принес ей признание, когда играла Люси в «Трехгрошовой опере», в «Эрмий песне». И вот опять разучивает брехтовские зонги, страшась и радуясь новой встрече с его пьесой, целиком поглощенная ролью Кураж. На это время закрыты двери дома для друзей: нужна сосредоточенность. Прочитана масса литературы, заведена тетрадь с собственными мыслями и раздумьями над образом маркитантки. Посмотреть бы эти записи! Думаю, однако, что Тамара не покажет их даже мужу, самому пристрастному ее зрителю и критику, к мнению и советам которого она всегда прислушивается.

«Душа обязана трудиться...» Это для Олейник не просто поэтическая строка — так могла бы сформулировать она свой символ веры. Чтобы отдавать сцене «все лучшее свое», по словам Горького, надо бережно и целеустремленно копить его в себе, попутно извлекаясь в характере и привычках от всего, что мешает нести высоко осознанную актерскую миссию. Олейник подчинила жизнь театру. В постоянном преодолении себя — тоже мука и счастье профессии.

Но разве не стоят все названные и названные подводные рифы актерской судьбы одной той минуты, которую пережила недавно Олейник. Когда-то она прочитала у Достоевского, что неразделенная радость теряется напополам. Радость Тамары Олейник, получившей звание заслуженной артистки РСФСР, была полной, потому что ее разделили с землячкой и Иркутское театральное училище, которое она окончила когда-то, и родной театр, и зрители.

В. ФИЛИПОВА.

НА СНИМКЕ: Т. Олейник в роли Вальки («Иркутская история» А. Арбузова). г. Иркутск.

1986 г. ФЕВ 1986

Иркутская история